

Удалецкие сказы

Л. Митрофанов
ПОМОРСКИЕ
СКАЗЫ

Удалецкие сказы

Лев Митрофанов

Поморские сказы

Издательство "Руда"

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Митрофанов Л. Н.

Поморские сказы / Л. Н. Митрофанов — Издательство "Руда",
2020 — (Удалецкие сказы)

ISBN 978-5-6044143-2-3

Книга «Поморские сказы» включает повесть «Конские широты» и рассказ «Тихоня». Это истории о поморах, русских людях, издавна живущих на берегах северных морей России. Исконные мореходы, они освоили не только суровые северные морские просторы, но их душа стремилась в дальние, неизвестные моря. Когда Пётр Великий создавал военно-морской флот, поморы были лучшими корабелями, искуснейшими корабельными плотниками и парусными мастерами. А служить на флоте было для поморов великой честью. Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6044143-2-3

© Митрофанов Л. Н., 2020
© Издательство "Руда", 2020

Содержание

Предисловие	6
Конские широты	13
Конские широты	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лев Митрофанов

Поморские сказы

© Издательство «Руда», 2020

© Л.Н. Митрофанов, текст, 2020

© Д.С. Селеверстов, иллюстрации, 2020

© П. И. Мельгунов, художественное оформление, 2020

* * *

В море и в непогоду – дома.

А на большой земле – и в штиле, как в тюрьме.

Народная поговорка

Но туда выносят волны

Только сильного душой!

Николай Михайлович Языков

Предисловие

Давным-давно не давала покоя удивившая меня история, которую услышал от поморских старожилов. Сколько ни спрашивал людей, много ли колен своего рода они знают, в редких случаях встречаются рассказы о памяти четырёх или пяти колен. И только в коренных поморских фамилиях знают свои корни и до десяти, и до четырнадцати пращуров. Родовая память хранит их имена и дела – начиная с деяний Ивана Грозного и его первого посольства к скандинавам. Но чаще всего живы случаи, связанные с историческими событиями времён Петра Алексеевича. При Петре, основателе российского флота, высоко выросла потребность в людях, умеющих ходить в морях и строить корабли. А в Поморье в открытое море ходили много задолго до великого Петра. И служить на военно-морском флоте России у поморов всегда было почётно. Об этом – история о Тихоне, из поморов шагнувшего в офицерские чины, участника кругосветных морских экспедиций.

Все морские бродяги знают географический термин «Лошадиные (Конские) широты», существующие в Мировом океане. В субтропических широтах северного и южного полушарий есть штилевая полоса (30-35 градусов северной и южной широт), в которой на долгие недели застревали парусники. Из-за недостатка пресной воды и кормов приходилось выбрасывать за борт коней, которых везли из Европы в Новый Свет или из Индии в Европу. Отсюда и их название.

С Конскими широтами связана история о походе поморов в Индию, услышанная мной на поморском Севере.

Возможны ли были такие дальние экспедиции для русских поморов, когда известно, что в те давние времена каждый год, как и ныне, в глубинах морских пропадала бесследно не меньше сотни судов? Об этом – и в книгах Льва Скрябина, не в первом поколении морехода. Он создал удивительные книги-энциклопедии об истории якорей и о вязании морских узлов, и просто о морских историях, и легендах.

Надо сказать, что мореходные качества поморских кочей не уступали ни шведским, ни голландским парусникам и позволяли русским поморам добывать китов у берегов Шпицбергена. В просторах северных морей Гольфстрим начинал истаивать, но успевал донести тёплым течением своим обильный корм – планктон, самое любимое блюдо всех китообразных. Поморы-китобой освоили эту зону. И понемногу к ним в этом нелёгком промысле стали присоединяться китобой Европы. Об этом очень хорошо знают все историки мореходного дела. Веками спорят, конечно, о первенстве в первопроходстве.

Уже в XVI веке Поморье раскинулось обширно и привольно, занимая не только берега студёного Белого моря, но и территорию в бассейнах рек Северная Двина, Сухона, Онега, Мезень, Печора, Кама да Вятка. И в этих пространственных территориях устойчиво жил дух волюности, истинного товарищества и не менее истинного свободомыслия.

Сурова была и есть природа нашего Русского Севера. И всем думалось, что эти пространства неодолимы. Но эти суровые просторы вопреки всему создали поморский национальный характер. Выжить и прижиться тут смог человек несравнимой физической и духовной крепости. Развивалась выносливость, отважность, мореходская лихость, трудолюбие редкой красоты. Это и есть самая суть помора. Испокон веков известно, что море не всех принимает, а только своих, мореходных. А храбрецов, это тоже известно, и злое море принимает ласковей, чем трусоватых. Да хоть бы и страшно было, а кто дело делать будет? А если страха нет, так веселей дело делается.

Когда в 1581–1582 годах Ермак с дружиной двинулся за Камень-Урал, в 1583 году по грамоте царя Ивана Грозного был основан Архангельск-крепость на мысе Пур-Наволоок на пра-

вом берегу Северной Двины. Крепостной стеной был окружён Архангельский Михайловский монастырь. Так был создан первый международный морской порт России.

И всего-то через 60 лет мы вышли к Тихоокеанским берегам, пройдя на кочах, на лодках, пешком, на лыжах, на оленях и собаках больше 7 тысяч километров, открыв нашему миру величайшие реки Обь, Енисей, Лену, Индигирку, Колыму и Амур.

Русский Север – он действительно, по-настоящему истинно русский. Именно народом Поморья спасена наша былинность, наши обычаи, наша уникальная деревянная архитектура, наша эпическая музыкальная история, наши трудовые традиции, ремёсла да великое искусство мореходства в Арктических морях, где Северный Ледовитый Океан стал родным домом.

Вот и поэтому я решил рассказать об удивительном походе поморов, о бесконечно романтической силе Русского Духа, бороздившего моря и океаны нашего не так уж и большого земного шара.

И в наши дни время от времени сквозь туманы веков возрождаются самые древние технологии, сохранившиеся только благодаря памяти народной. Пример тому – казаки-характерники с приёмами бесконтактного боя. Их техника подготовки и тренировок для физического совершенства человека-воина называется – правила. Произносится с ударением на «И». До невиданного совершенства доходит человеческая ловкость да сила. Зная тайны искусства правила, боец мог выйти на схватку со взрослым голодным медведем. Были в быту у народа нашего и такие смертельно опасные развлечения. Медведей-то было не счесть. Были деревни, где промыслом становились медвежата. Их дрессировали и продавали скоморохам, а те разыгрывали бесчисленные пантомимы. Ни одно стечение народа, в особенности на ярмарках, без ватаги скоморохов не обходилось. И популярность медвежьих выступлений была известна на Руси веками. Юродство да скоморошество развились в самостоятельное искусство, и даже – в народный публицизм. Скоморохам позволялось разыгрывать комедийно злых и жадных, жестоких и коварных вельмож. Народ в обиду не давало скоморошество. Целые деревни, увлекаясь таким промыслом, делались центрами осмысления под критическим углом зрения всего, что происходило на Руси. Смех и смешное всегда любили. Со смехом и юмором переживались у нас все исторические невзгоды.

Так и та история, о которой пойдёт речь – о походе поморов в Индию – дошла до меня в виде семейного сказа. От дедов да бабушек, истинных хранителей памяти своего рода.

Было принято в российской деревне в стародавние времена помнить да знать восемь-девять поколений своих родичей. Но пришло время другое, и покатились бесконечными волнами переездов, перемещений от родных погостов. И стал беднеть святой памятью прошлого нынешний век.

Но если и поубавилось памятьливости в материковой России, то берусь утверждать, что у поморов седого от древности Северного Ледовитого океана родовая память крепко знает и больше десяти, а порой и все двенадцать поколений своих предков: от родителей до пра-прапрадедов.

А мы – народ хоть и сговорчивый, но и упрямый, и потому вспомним о несокрушимой духовности нашей и воспрянем вновь.

Владимир Иванович Никольский, питерский учёный – тот самый, что впервые в истории распилил-разъединил клетку и из одной клетки вырастил сначала двух телят, а затем – двух ягнят, утверждает, что генная память – самый стойкий долгожитель. Ген начинает перерождаться только в конце первого тысячелетия своей жизни.

Вага, левый приток Северной Двины, могучей дугой огибая у крутого берега древний город Шенкурск, оставляет после себя великое множество стариц, где, куда ни шагни, осталось и сохранилось до наших дней самое стародавнее.

Но сколько не разглядывай с левого берега, видишь только могучие сосны на береговом крутояре, да самый малый кусок крыши ладного домика – это гостиница. И тогда понимаешь, как тут всё одиноко.

Несколько лет кряду всё зазывал да уговаривал меня Валера Меньшиков побывать в деревне Петровской. Пойти вместе с ним в охотничью суету на водоплавающую птицу. И вот мы тут. Всюду лес что-то шепчет самым лёгким дуновением. И на Ваге-реке после каждого её поворота отмели гладкие, песчаные косы. И на левом низком берегу великое множество стариц с густо заросшими островками, и потому – самые любимые места для утки, гуся да лебедя. Но лебедя сразу решили не брать, уж очень жёсткое мясо. Варить долго надо. Надоест ждать. А на женские шапки, очень популярные, бить грех, конечно.

Почти напротив Шенкурска стоит деревня Петровская, что в честь Петра Первого названа. Но бабушка Валеры называет её по-старому – Шелаша. И видно, это название идёт от притока Ваги – речки Шелаши. А ещё раньше название пошло от протоки реки Ваги – Шень-Курья. По-местному тут на севере называют так речную старицу. Отсюда и имя Шенкурска появилось. Весь Шенкурский район во всех направлениях истекает речками: Ледь, Вага, Неньга, Сюма, Чёща, Шеньга, Шелаша, Паденьга, Сельменьга, Шереньга, Пуя, Суланда и их притоки. Да ещё тут огромное озеро Лум.

На берегу Шелаши в 1644 году был основан пушечно-литейный двор. Первопричина создания завода – куда ни шагни, всюду, только не ленись, под ногами есть железо. И умели добывать руду в здешних местах луговую, болотную да озёрную с самых давних времён.

На пороге баньки, что стоит в конце огорода, Валера широко разложился ружейными припасами да маслёнками. С чистой ветошью лежат пружинистые щётки и шомпол. Он сосредоточенно после удачной стрельбы чистит отцовское ружьё. За первый день охоты он набил двадцать две утки. Сам, конечно.

А я – с самодельным луком. Так было задумано с самого начала. Я израсходовал все двадцать семь стрел. И только одна зацепилась за хвост утки. Утки умные да хитрые, плавают не ближе пятидесяти метров от берега, а то и все семьдесят-восемьдесят. Но если прикрываться разными кустиками, то можно подобраться и поближе. Но и сокращённое расстояние не помогло. У меня все остальные стрелы ушли в белый свет как в копеечку. А было много раз, что прямо почти из-под ног взлетали уточки. Но в постоянном натяжении тетиву держать нельзя, не получается. Да и стрела у меня не такая быстрая, не такая летучая, как надо. Так и натерпелся я иронических взглядов дылды Валеры.

Позвала меня да заманила к луку история Александра Грина. Есть нечего, а он мастерил луки для детей. В своё удовольствие. А как час наставал, брал лук и шёл добывать воробьиное мясо в местном парке. И мне интересно: как же жили люди во времена тугих да богатырских луков?

Пока я переживал свои охотничьи порухи, Валера – весь в отцовском ружье, о своей иронии на мой счёт забыл.

Незаметно, будто бы прямо из-под земли-травы, шагнул к нам рослый, широкий в кости, лёгкий в движениях, почти во всю голову седой, в застиранной выцветшей рубахе, опрятный и свежесбривший человек, с иссиня-синими зоркими глазами, по-детски открытыми, абсолютно бесхитростными, благодетными.

– Здравствуйтесь. Вот ведь вы редкость какая ныне. Молодые городские к нашим весям наведались, – пришелец непринуждённо полупоклонился и повторил: – Здравствуйтесь. Охота – охотой. Но у нас ведь рыбный край испокон веков. Ведь рыбы не счесть! Вот хожу по нашему краю. Да сети, где прохутились, подплетаю-чиню. Может, и вам сгожусь?

– А зачем сети! – озорно сказал я. – Мы её толком или другой взрывчаткой. И только успевай собирать, не то вода унесёт.

– Как можно на такое дело руку поднять! – прямо встрепенулся он. – Совсем негоже. Совсем не по-нашему. Лови, сколь надобно. Попусту зачем всё губить, не по-нашему это, – окрепшим голосом сказал, твёрдо выговаривая каждое слово. И вздохнув, задумавшись договорил: – Наши моря да наши края жить всегда давали сполна. И издавна думали, чтоб только лишнего не брать.

Моя виновность в легкомысленности была очевидна. И я извинительно, как бы к слову, выдал смущённо:

– Да попусту я сказал.

– Так-то оно так, что малёхо соображаешь. Но словами не бросайся. То всегда к беде приводит. Соблюдал народ тутось наши вековые запреты.

– А какие?

– Вот те на! Насмехаешься ты, что ли?

– Да нет. И не думаю. А просто – интересно.

– Ну коли так, то скажу. Перво-наперво запрет на преднамеренное убийство да на татьбу. А что в море упало, то пропало. Море всё поглотит. Но его тоже оскорблять негоже. Море всё запомнит, и потому море станет горем. Оскорблять, угрожать да проклятиями грозить никому не моги. Так же всякие маги да ведьмы, за злобу живущие, в наших краях не приживаются никогда. Всё это нам негоже. А как плохо подумал, так на ведмячество да сатанинство воду хорошую льёшь. Чистую льёшь, а они, чёрные силы, и воспрянут. Тут-то демоны и слетаются. А они прилипучие. Пуще горячей смолы привяжутся, не отдерёшь. Да тут как тут – оживут. Вот так-то. От плохого слова человеку душно становится. А от доброго слова и в ураганные лютые ветры петь хочется. Да с песней крепкий ветер пересилить легко можно.

К вечеру наварилось в казане варево из пяти уток. Дедом Евсея Ивановича назвать язык не поворачивается, хоть ему уже 85-ый пошёл. И всё время настойчиво в нас вглядывался. Мы кликнули его – он ладил разошедшуюся кадушку под засолье. Легко шагнув, присел на чурбак и перекрестился. Мы почему-то – видимо из уважения к нему – тоже перекрестились. Но он не так, как мы – мелко да суетливо, где-то не то у лба, не то у груди. Он – размашисто, уверенным законченным движением.

Мы всё ещё объедались. А он уже чай заваривал, приговаривая:

– Чай кручёная вода и от заморочки уберёжет.

Валера невпопад спросил:

– А много ли сетей достаётся в работу?

Он глянул на гаснущий костерок и неторопливо сказал:

– Да в наших краях мужиков маловато стало. С тех самых пор, как поперёк народа эксперименты проводятся. Как Никита Сергеевич коровёнок порезал, стали все тяготеть в города. А в детские сады молоко замороженное вертолётами доставляют.

– А как?

– Да всё просто: по чашкам разольют, заморозят. Да в мешки ледяное молоко. Завязал мешок и айда в детские сады, – без тени раздражённости сказал он. И чуть задумавшись, договорил: – А рыба-то разводится. На всех, как всегда, хватает.

А я думал: «До чего же незатейливая жизнь. И размеренность духовная. Вот она где – силища. Из покоя души прёт. И даже на неустроенность не тратятся силы».

– А разве раньше рыбы не больше было?

– Да нет. Думаю, что так же.

– Это где, в море?

– Да нет, всюду. На наших бесчисленных реках да речушках. Любую, если сетью перегородить на день, так не утянешь на одной телеге.

Валера встал, потянулся сонливо, и бросил мечтательно:

– Ах! Вот бы на охоту на моржей или тюленей сходить!

– А вы знаете или слышать доводилось, что такое тартюха?

– Нет, конечно, – в один голос ответили мы. – Не доводилось.

– По весне, когда лёд вскрывается, и воду в устье рек нагонит ветер, идёт лёд, крупно и мелко разбитый, очень сплочённо. А напор воды таков, что уплотняется лёд в реке крепко – это и есть тартюха. Вот перебежит, кто смелый, по этой ледяной каше на островок, где тюлени отдыхают. Там набьёт штук пять-семь – кто сколько утащить может. Связывает их цепкой. Одну за другой перевязал и тащит опять к тартюхе. Шкура у нерпы блестящая, волосок к волоску. И легко по снегу их тащить. И опять по уплотнённым льдинкам на берег перебегает на свой страх и риск. Если повезёт. Тут оступиться, неправильно выбрав момент, нельзя. А перебежал – значит, дальше тащит добычу. Но если ошибочно оценил плотность ледовой каши-шуги, да если поспешил, уже никто помочь не сможет.

Евсей Иванович распрямился и, хлопнув себя по коленкам большими сильными руками, продолжал.

– В море ходить одного усердия мало. Надо душой быть очень крепким в наших краях. Тяжёл да удал промысел поморский. Мы же не с поля живём! А с моря!

– А какие – ваши края? – спросил Валера.

– Да у нас всё просто. Мы из края Архангельского, Мезенского, Онежского, Кемского да Кольского чаще всего треску брали.

– А что, только треску ловили?

– Да нет, конечно – и палтуса, и акул, да нерпу на Мурмане. Жили промыслом разным: и китами, и моржами, и тюленями, и рыбёшкой. А хлеб у нас только стоя режут. Из уважения к нему. А не как вы – нарезали, и он в куче лежит, – махнул он на нарезанный да кучкой лежавший батон. – У нас ячмень да рожь едва успевает чуток самую малость по теплу прорасти. И всё тут.

– Зато медведей у вас больше, чем мух на помойке, – перевёл разговор на другую тему Валера.

– Да, это так. В океане. На ледяных полях медведи вольно живут... И шкуры белых медведей круглый год подрастают – это правда ваша. Ещё до войны двенадцатого года, чтоб вы знали, белых медведей шкуры у нас французы по-дорогому покупали. Оказалось, из них кивера делали для музыкантов гвардейских полков. Тогда у нас жизнь была налажена да намолена. Беломорской жирующей селёдкой скотину кормили да сами ели вдосталь. А кто хоть раз в жизни жирующую сельдь соловецкую пробовал, тот – ей-ей – забыть такой вкусноты никогда не сможет.

– Почему соловецкую?

– Всё просто. Засольщики-монахи секрет знали. И хранилась долго, и малосольная была. Нежность у сельди не пропадала. Знаменита была та селёдка на всю Русь от края и до края.

– Всё очень интересно, Евсей Иванович. Но слышал я, что и до устья Оби ходили. Тоже путь неблизкий.

И он увлечённо и очень охотно продолжал рассказывать:

– А всюду бывали. Начиная со Шпицбергена, Новой Земли, да Колу всю облазили. Наши предки и до азиатских морей доходили. Даже было так, что и в Индию притопали.

– Да не может быть! На коче¹ или на раньшине²?

– Мне мой дед поведал, что на его коче было две мачты. Весь мир знает, что Дежнёв-то ходил до Берингова пролива. И коч у него был всего четырнадцать метров длины да пяти мет-

¹ Коч – промысловое парусно-гребное судно. Самый большой коч был двадцатипятиметровой длины. Имел две или три мачты. Было два типа – килевые и плоскодонные. Строились с двойной дубовой обшивкой корпуса. Выдавливались на лёд при сжатии ледяными полями.

² Раньшина – парусно-гребное промысловое судно имело две или три мачты. Грузоподъёмностью от двадцати до семидесяти тонн. При сжатии льдами тоже выдавливалось на лёд.

ров в ширину. С осадкой в один метр 75 сантиметров. И на борт мог взять до тридцати тонн груза, – Евсей Иванович выпрямился и расправил плечи. – И скажу я вам, что в наших краях сохранилось много былин. Мне дед мой и моя бабушка сказывали, как нашего рода далёкий предок ходил с товарищами аж до самой Индии. И жили мы богато. Жемчуга для всей России в устьях рек добывали. Десятину в казну государеву отбирали – самых крупных жемчужин. Солеварни до тысячи тонн соли в Россию отправляли. Серебра немало добывали. Да, немало. И первую серебряную монету отлили у нас. А слюду нашу весь мир покупал. Вся Европа и вся Азия. А для ручных фонарей, куда слюду вставляли, и нефть возили в бочках из Ухты.

И то скажу я вам – мы, поморы, хлеб не зря ели. Во все времена. Мой прадед сражался в Полтавской битве. Архангелогородский полк состоял сплошь из нас, поморов. И стояли они в центре первой линии в боевых порядках. Рядом с гвардейцами Преображенцами да Семёновцами. И в самый разгар боя драгунами-ахангелогородцами был взят в плен фельдмаршал шведов Карл Реншильд. И чего только в нашей истории нет!

А было ещё и так, что в 1694 году царь Пётр на яхте «Святого Петра» ушёл в плаванье на Соловецкие острова. Да близ Унской губы разыгрался очень сильный шторм. Водяные валы без конца перекатывались через яхту. Царь потом рассказывал, что гибель была близка. И он, как и все, горячо молился о спасении. Царю, конечно, было невдомёк, что дело обычное в шторм, когда волна ходит хозяйкой по палубе да всё смывает, если плохо закреплено. Это если кто-то поспешил, так потом беды не оберёшься. У нас шторма тяжёлые, и волна тоже нелёгкая. Уж ударит, так ударит. Как надо. Любой запомнит.

Вёл яхту монастырский кормщик Антип Тимофеев, мой дальний пра-пра-прадед. Погибель была очевидна. И Антип, спасаясь от беды, уходя от яростного ветра да волн, направил яхту в очень узкий Унский проход – сплошь среди зубастых скал. Видя явную опасность, царь захотел вмешаться в управление, но Антип закричал на царя, осилив рёв и вой ветра:

– Коли ты, государь, отдал мне управление, так не мешай и иди прочь. Здесь моё место, а не твоё, и я знаю, что делать.

И 2-го июня «Святой Пётр» встал благополучно на якорь близ Пертомского монастыря. В честь спасения царь лично соорудил на месте высадки огромный деревянный крест. Он и ныне хранится в Архангельском кафедральном соборе. Антипа Тимофеева наградили Пётр Алексеевич щедро деньгами, кафтаном со своего плеча да шапкой своей. И приказано было задарма в кабаках и корчмах привечать его. Это, что задарма, в конце концов и погубило Антипа. А он рассказывал всем про справедливость царскую да про царскую добрую волю. Да про то, что знал лоцманские секреты, как пройти и быть живу среди опасных камней. У него к штормам прямо-таки любовь была. Перед ним самый разгулявшийся жестокий шторм унимался. И сам он заговорённый, видать, был и видно – самые серьёзные да тайные заветы знал. Знал он, как укоротить да одолеть самую непогодливую волну да лихой ветер. Словом, что ни на есть, знающий да лихой был моряк. Так рождался российский флот в наших здешних местах на Соломбольской казённой судостроительной верфи в 1693 году. И построено было там около пятисот разных судов.

На следующий день пошли мы через деревню к самым дальним старицам, где ещё были непуганые нами утки. И Евсей Иванович с нами увязался. Мы вопросами засыпали. Я всё о походе в Индию выпытывал. А он бывальщину не уставал рассказывать. А мы не уставали слушать да не скрывая восхищения удивляться.

И увидел я в канаве лапоть, подобрал его. Он оказался женским. Я его от грязи отмыл да высушил, и он хранится и по сей день, стоит среди книг. А разглядывая совсем невыношенный лапоть, я понимаю, что ныне так ладно его не сплетут.

Конские широты

Повесть

Конские широты

«Вся русская культура пропитана тоской по тёплым морям, по настоящему флоту, по настоящей жизни, которая начинается там, где скрипит палуба и сияют южные звёзды»

Константин Анатольевич Крылов, публицист, философ

Иван Буторин по старинке, на поморский манер, сам себя называл кормчим. Вот и сейчас, стоя босиком в подвёрнутых до колен исподних портах, в накиннутой на голые обгоревшие плечи рубахе в двух шагах за почерневшей от солнца широченной спиной штурвального Кирсанова, сына Киндея по прозвищу Белуха, которому едва доставал головой до плеча, размышлял вслух:

– Надо полагать, век паровых машин приходит. И уже волна не волна. Есть ветер, нет его, сердешного – а такой барк топает себе, как в хороший ветер. Да не простая эта посудина, а четырёхмачтовая – прямо гора на морской воде. Мы под такой её высокий борт подойдём, так клотик нашей фок-мачты за первую рею вылезет. Да и то едва на пару аршинов.

В Питербурхе-то батюшка Кирсана, Смолокур, ещё двадцать пять лет тому как отслужил на флоте, видел, как против ветра шла 1815 года постройки парусно-паровая яхта «Елизавета» с пассажирами на палубе. Да так, что яблоку негде упасть. И даже на ходовом мостике пассажиров было полным-полно. Ходила она из столицы в Кронштадт. А Смолокур там бывал в двадцать каком-то году. Как раз несколько лет прошло, как успокоили французского императора Бонапарта Наполеона. Наши-то мужики, что с той войны вернулись, такого порассказали, что век бы их не слушать. Говорят, кто-то жив и сейчас. Но я таких давно уж не встречал. Где-то, говаривали, много их вернулось по своим местам до тридцатого года. Я-то в тот тридцатый год списан был в инвалидную команду. Под цепь якорную попал. Она меня так бросила-приложила, что еле-еле оклемался. С «Александра Невского» я, с лучшего фрегата Балтийского

флота. В сорок шестом, весной, переделали его в плавучий склад на Кронштадтской стоянке. А уже в сорок седьмом приказали разобрать...

– Эх бабахнуло, словно пушка выстрелила! – Буторин прервал на секунду свою речь и глянул на хлопнувший парус. – Время-времечко, словно ветрушко в парусину крепкую. Только бурун за кормой вьётся. И вскоре растворяется в глади морской. Вот так-то, всё летит незаметно да быстротечно. – И Буторин провёл рукой себе по крутому затылку. – Ну, чего этому императору Бонапартию не жилось? – продолжал. – Видать, ему маялось в маленькой своей Франции, видать, хлебушка не хватало. Мы-то в море ходим, так мы тут родились. Нас море и кормит, и одевает.

Надо обязательно полюбопытствовать, сколько ныне золотом просят за такую шхуну. Парус – само собой, ну и машину на пару, чтоб колеса крутила. Ныне-то, небось, полным-полно даже парусно-паровых шхун. Вот ведь как – беспокойство-то одолевает: вроде бы и заштивать ветрушко может. Конечно, грех так думать. Знамо дело – как удумал, так и сбудется. Прости, не гневись, ветер вольный. – И он торопливо перекрестился. – А тут бы самое время быть и под парусом, и под паром. Налил вонючки в бак, и топай сколько душе угодно. Вон сколько того керосину изводится на фонарные столбы. Почитай не сосчитать, весьма свету керосиновых ламп в столице российской империи хватает.

Но тут простодушный Кирсанов сын с расплывшейся до самых ушей широкой улыбкой громко сказал:

– Вроде как штивать начинает, порой морщится парусина. Нет такой гладкости, парусникать вроде как начал. И не так шумит у форштевня.

– Не шалобродничай языком, чё болтать. Лучше курс береги, – зло рявкнул Буторин. – Ветры-то все наши слова понимают. Накличешь! И чего ты напросился ко мне на борт, такой говорливый. Наш-то мезенский да архангельский народ – степенный, вахту отстоит и слова не обронит. Сначала в голове мысли погоняет, потом, чтоб не стеснять своими словами, скажет. И то коротко. Как доклад на мостик. Или вахтенному офицеру – с берега вернувшись. Прибыл, замечаний нет. Вестовым бы тебя определить. Как я, послужил бы, ума набрался. То-то намаялся бы, враз язык прикусил бы. И не мечтай, чтоб тебя марсовым на настоящую мачту пустили. Так-то вот я тогда мечтал. Всем марсовым почёт и уважение. Даже от своего брата матроса. Но и оторваться от кают-компании не мог. Как-никак, а офицеры все тебя в личность знают. И бегай из камбуза до винной каптёрки. Рай земной, а не царская служба. Я и старался изо всех сил. Подфартило мне за то, что глаза у меня были иссиня-дальними, как говаривал первый штурман. Да усы огненно-рыжие, с волосом буйным цветом на голове. А ныне никто и не поверит, бородища – сплошь чистое серебро. И усы обвисли, что пакля крашенная. Родного цвета только и осталось самую малость в глазах. Но, конечно, основная синь уже всё больше пропадает. Так теперь из меня никакой не выйдет вперёдсмотрящий. Вдали всё расплывается. Но пока только у самой окоёмы. Глаза-то уже огнём не горят, даже выцвели, верно, малость. Словно ёрничают надо мной. Только силушка ещё живёт в жилочках. Да и то не та, конечно.

Киндей глубоко вздохнул и забубнил, как в пустую двухсотведёрную бочку, за что его и прозвали Белухой. Уж очень голос у него был трубный. Да такой, что в Петербурге мичманы и офицеры, как услышат его голос, всё про оперу говорили. Что петь он должен. Но Киндей прятался, когда его пытались разыскать и отвести в оперу. В иноземных краях, когда начинал он говорить, люди вздрагивали и понять не могли, что это говорит он – белолицый, огромный, который, быть может, бороться даже со слоном возьмётся.

– Так, пора нам склянки бить к обеду. Я-то с первых петухов вахту стою. А из поварни дух-то сладкий такой. Прямо слюна течёт. Впервой сегодня слово сказал потому. Может, вы какую команду выполнить прикажите, парусов добавить? – и совсем тихо произнёс полное имя, – Иван Яремеевич, – и ещё тише добавил на иностранный манер, – господин шкипер.

– Ты чего буровишь! Это как в иноземцевский порт войдём – там меня величать шкипером, я сказывал. А теперь-то! Раньше времени негоже приказы забывать.

– Так я, чтоб со всем уважением. Своё почтение выказать! – пробурчал себе под нос Киндей. И уже громко: – Как с курсом? Соблюдать, что ли? – не выдержав, спросил. – Ветерок понемногу, еле-еле, но перемещается.

– Это, вот... было, – выдавил из себя Буторин.

– Так подваливать под ветер? – спросил Киндей.

– Точно. Следи за парусами. Они подскажут. Не отпускаяй ветер.

В эти же минуты короткого разговора Киндей смеялся вовсю глазами. Вокруг глаз одни морщинки. Но понимал, что – не дай Бог – узрит это Иван Еремеевич, тогда спаси и сохрани Всевышний. Прямо вместе с бахилами сожрёт. «Судя по всем признакам, погода не испортится, – думал Киндей. – Но надо всё-таки выпрашивать побольше о его службе на царском флоте. Порода-то у него крепчайшая. Глядишь, и уму-разуму прибавится. Смог же он в наших краях быть может самым верховным богатеем стать. А как его вспоминая вопросом уведёшь, тогда он добреет. Да и насмотрелся он многого. Батюшку-то его, как-никак, а прозвали Свалицей. И уж не каждому дано столько силы да ловкости. Может, и поэтому Еремей Митрофанович был самым удачливым кормщиком. Да и самым строжайшим. И несмотря на самую крутость его нрава, был справедлив. А потому за честность свою глубоко уважаем и любим».

«Чем меньше ветра, – думал Киндей, – тем в океане, в тропических морях, да пропади они пропадом, всё больше влажности в воздухе. И как ни лей на себя забортную воду, только на самое короткое время спасаешься от жарыщи, с большим трудом переносимой».

Глядя на почти безжизненные паруса, уже слабеющие, ловившие ветрушко, глядя на высокое безоблачное небо и иногда посматривая на Киндея, думал о своём и Буторин: «Все мы как мухи сонные стали. А так посмотреть со стороны – так вроде ушкуя завалят. Эх, мать честная! Кормщик-то я, конечно, хреновый, что ни говори. Эх, ёлки-палки. Но одно звание для солидности надо держать. Степенство – великая сила в нашем купеческом деле. Не то, что батюшка мой, крепчайшей породы. Недаром его Свалицей прозвали, – мысли об отце были любимым делом Буторина по взрослости. Ему нравилось, что с определённого возраста он перестал бояться отца. Зато проникся к нему каким-то необыкновенным, как казалось Буторину, уважением. – Батюшка-то мой, как настоящий хрен моржовый, из которого ножки табуретки делают. Уже видать, до настоящей твёрдости моё дело не дойдёт, нет, не дойдёт. Да и на паровую шхуну-то, видать, деньжищ надось. Уж лучше по старинке. Дело верное. Да, видно, не срок мне доходить до нынешней крепости. Даже купишь паровую машину – а она, глядишь, и поломаётся. Хоть я и везучий – что грех жаловаться. По всему подфартило мне! Паруса-то ветрушко задарма надувает. А с новизной, без керосину-то, никак не обойдёшься. А то ещё, поговаривают, чистым спиртом кормить да поить надо железных лошадей. В аптеке его не купишь. Там же не одно ведро влить надо. Эхма, дела-то какие, прямо нелюдимые. Только что остаётся, так держаться за паруса. Святое дело. И что было дано родителю моему, упокой его душу Господи, так мне ни в жизнь в руки не давалось. Не приладился к моей руке его самый большой гарпун. Я уж с флота возвратился, а у него рука не полегчала. Да так треснет, что и не увернёшься ни в жизнь. А как глянет, так дыхание – было – прерывалось. Я и букварь-то осилил только потому, что батюшка порол. Порол, пока матушка не вырывала вожжи из его рук, с криком истошным: «Забьёшь сынишку родного, Ирод жестокий!»

Помянув мысленно добрым словом родителей, Буторин снова стал размышлять о деле: «Без наших лучших мезенских мореходов мне этих проклятых морей тоже, видать, не одолеть бы никогда. Без Киндея, да особливо – без Антипа-Сдело. Да без Агея Распопова – Матигорца. А Пров Исаков-Серебряник ещё здоровей Киндея. Митрофан Михайло Дурасов – самый первый парусный мастер. Мне и астроблюбу эту ни в жисть не выучить. Её с юности познают, как Сдело на зубок помнит, что ни спроси. По памяти ответит. А мне, видно, не дано. А

Лёвка Иванов-Шубин, корабельный плотник, все секреты ведаёт, сам может и чертить, и топором тесать так, что никому другому не смочь. Потому, хоть я ныне и богатею, а худо будет без них. Каждый должен знать своё ремесло из всей нашей нынешней команды. В ней только одни умельцы. И только один Амос малость кумекает по звёздам, как ходить по морям, да и то – только по нашенским верно. Да всё Антип старается его просветить. Крепко верит в него. А так-то – до Антипа-Сдело ему грести, что против шквального ветра в открытом море. Вот у меня-то торговля идёт так, что все паруса ветром набиты. А тут искушение такое навалило. Верно от моей глубокой глупости. Наказывают ныне меня за жадность. Привык-то только одними пряностями. Но если вернёмся, – тут Буторин широко перекрестился, на что Киндей и ухом не повёл, – я этот поход оправдаю. Легшее гагачьего пуха у нас груз, а деньги за них кладут тяжёлые. Надо бы удумать, чтоб ненароком не опозориться. Точно, хворым надо сказаться. И... Сдело поставить штурманом, кормщиком, шкипером. Всё равно с самого начала он командует. Я – так, только щёки надуваю. Не лопнуть бы! Всё одно он астролябию знает, и остальное... Антип-то всё что можно исходил. А я-то в эти моря больше ни ногой. Спаси и сохрани, – Буторин снова перекрестился. – Только бы вернуться. Святыя угодники, не выдайте, – он положил крест в третий раз. – И больше во мне любознательности проснуться я не разрешу. Вот дурень седой! Никак бесы меня подманили. Посмотреть на другие земли да на чёрные народы. Но лишь бы ныне до дому добраться. А то спросил Антипа: «Можно добраться до земель, где чай продают?» – «Да отчего ж нельзя? Земля-то точно круглая» – ответил мне. И я дорогу духом своим только как кормчий ведаю. Ей-ей, вернусь. Храм построю не хуже Александро-Невской церкви Архангельского Дисциплинарного полуэкипажа. – Буторин положил руку на нательный крест. И держал её так, пока обещал постройку церкви. – Ну, конечно, ежели домой вернусь, то такой же построю, но, конечно, поменьше. Тот соборишко всем народом строили. И царёвы были там деньги. Монастырь Соловецкий выкладывался. Все наши мезенские тоже копеечки собирали. Дружно монахи, говорят, в нём участие принимали...»

Тут все мысленные и немые клятвы и обещания прервало движение на палубе. Из открытого правого люка поварни вылез неторопливо дед Антип Сдело с бутылкой «Чёрного Дракона» в руке. Как Сдело утверждал, каждому в этих каторжных морях надо пить самый крепкий джин, чтоб не сдохнуть от здешней самой разной пакости.

И спросил:

– Что, довернули? Рыщете под ветер? Так гляди на воду. Ещё круче вали, не то совсем его потеряем. Вишь – он старается. Дует из последних сил.

Из люка, как жираф шею вытянул – появилась голова Амоса Алельковича Ливенцева, и сверкая голубовато-васильковыми льдистой стылости глазами да сахарными зубами, он протрубил голосом Посейдона – так, что у всех троих на палубе зыбь по шкуре пробежала:

– Извольте откусать, господа мореходы. А вам, господин Сдело, Антип Труфанович, очень низко просим подменить вахтенного.

– Ну, чего зубоскалишь? – повернув голову в сторону Амоса Ливенцева, ответил Антип Труфанович. – Скажи попроще: подмени его, до Геркулесовых столбов пока дойдём. Ну, на худой конец, до Гиблортара. А там мы сходим в шинок, по-ихнему – таверна, и через три дня и три ночи возвернёмся. Но будем совсем слабыми. И ты, Антипыч, как вечный человек отстоишь ещё двое суток, пока мы не отоспимся – сил-то набраться надо.

Все засмеялись дружно. Даже Буторин схватился за живот. И тут же вспомнил, что пора хворость разыгрывать.

– Ох, схватило что-то ниже живота. Ох, ребята, ну прямо немоготу.

Пружиной из люка вылетел Ливенцев. К Буторину шагнул Киндей. Они подхватили хозяйина под руки. Тот совсем обвис в могучих руках. И так вошёл в свою совсем небольшую кормовую каютку и сразу улёгся на лавку. Амос с Киндеем, согнувшись в три погибели под низким подволоком, потоптались, не соображая – чем ещё можно помочь, и переглянувшись, ни

слова не сказав, решили, что пора в поварню. Чтоб еда не простывала – больно быстро скисает на жаре.

«Эх! – вздохнул и задумался Буторин. – А сегодня, верно, едим то же, что только магараджа потребляет: салат из разных фруктов, нарубленных, перемешанных и немного толчённых. Её, еду эту – словом, баловство одно – подсмотрели в гостях у соседей... Англичане, с которыми рядом стояли на причальной стенке, от жары спасаясь, каждый день такую толокушку делали. А мы всё на солонину налегали. Всё-таки тут везде есть фрукты. Мелко порезали, совсем маленько добавили мёду. И теперь, пока не вылижут свои миски и не исчерпают в котле всё до дна, будут сопеть-трудиться. А потом – не проспали бы меня сменить с вахты. Конечно, есть такие удалцы в этой самой Индии, что отказались от всего личного, и даже от исподнего. Круглый год шастают по пыльным дорогам голышом. Только верёвочка махонькая на поясе, а к ней, чтоб срам прикрыть – ветхая тряпочка. Прямо лоскуточек, да и только. И все их кругом уважают да почитают. И сколько их ни довелось увидеть, все они мимо базара проходили. Так ни один из них нигде и не присел да ничего не сжевал. Такие все достигли звания Садхи, что значит – Святой. Но, верно, нам это дело никак не может подойти. Попробуй, поворочай веслом в море, когда в особенности уже сало плывёт. Хоть махонькие льдинки, да тяжести заметно прибавляют. Так и баркас на берег не вытянешь. Сила без варёного иль печёного из дичины не проявится, хоть ты пополам тресни.

Вот уж – ни стыда, ни совести. Ну отказался от своей избы. Ну ладно, тут и под открытым небом все спать-отдыхать могут. Но от порток что ж отречься! Срам один, да и только! И всё-таки эти Садхи в одном порыве: вся жизнь сплошь преодоление, да и только. Упёртые они – по всему видать. Только глаза не очень-то весёлые. Всё и в них, всё в себе. Нет в них никакой нашенской открытости. Идут вроде как на каторгу. Без радости разве можно жить человеку? Из таких людишек – а на вид крепкие они ребята – и мореходы вышли бы наиправейшие, да и только. Что вовсе немало значит для любого народа. А может, они просто лентяи, лежебоки. Ну да Боженька им судья. А всё-таки, отчего же их к святым при жизни признают в народе? Но чтой-то я в чужом монастыре свои нравы как бы видеть хотел? Ну, верное дело. Бог им судья, да и только. У нас и своих забот полон рот!»

– А чё с Буториным, пониже живота? Кобыла ему нужна, что ли? – без эмоций спросил Митрофан у Амоса с Киндеем. Амос и плечом не повёл. Будто пропустил вопрос мимо ушей, а Киндей ответил, краснея:

– Да нет. Вроде и в лице изменился.

Антип занял место, где только что сидел Киндей и громко заговорил:

– Упреждал я. В этих гнилых морях и на этих землях люди не зря почернели. Пока не войдём в нормальные холодные воды, без «Чёрного Дракона» пропадёшь. Я купил тогда в порту – прямо сколько в два мешка влезло. Сам еле доволок. Потому что наша ластушка, наша лебёдушка, наша красавица стала в один день самой популярной посудинкой. Толпы в порт валили поглазеть. А оказалось – секрет простой: бесплатное выступление на конском базаре Амоса Алельковича Ливенцева, – Антип уставился на Амоса и развел руками. – Местные людишки потом не на коней глазели, а весь базар ходил за Амосом. Из других городов завсегда на базар люди приходили! Там, видно, слава быстрее ветра летит. А как не посмотреть на ловкого парня? Спор свой выиграл у знаменитого змеиноного скомороха-дудочника. И тот как проигравший спор всё, что было в чашке, все денежки ему в ладонь и ссыпал, – последнюю фразу Антип произнёс протяжно, будто наблюдал за проигравшим факиром, и засмеялся.

Ветер заметно тем временем ослабел, но порой порывами набирал прежнюю силу. Как обычно, когда всё вокруг совсем спокойно и на палубу привычно залетают летучие рыбки, и на небе ни облачка, и солнце печёт так, что надо всё время таскать забортную воду и скатывать на палубу. А палуба, к тому же, от мачт к бортам идёт с понижением. Вода просыхает на глазах. А не скатывать – под палубой становится точно как в хорошо протопленной баньке.

Как только ребята вышли, Буторин сполз на палубу своей каюты, встал на колени.

– Эх, кричи, не кричи, супротив Господа не попрёшь!

Глухие удары Буторинского лба слышали в поварне и за общим столом кают-компания. И выбрали послать к нему плотника Лёвку Иванова-Шубина, закадычного друга Буторина. Лёвка встал и пошёл.

– Иван Еремеевич, как это тебе, такому богатырю и захворать? К тебе шёл. На небо глядел. Ни облачка. Везде горизонт чистый. И сполохи от ветра порой бегут. Это точно слабеет ветрушко.

– Ох! Типун тебе на язык, он у тебя окаянный! – запричитал неожиданно изменившимся, звонким, раздражённо неприятным голосом Буторин.

– А чё ты раскричался? Мы все испереживались. Не только ты как купец.

– Тьфу, чертяка, ежели так наговоришь, прости Господи. Так там всё слышно. Ветер-то всегда наши слова носит. Это уж как Бог свят, я знаю.

– Что ты всё лаешься? Сам-то не видишь? Я тех зверюг не покупал для царского зверинца. Ты отличиться захотел.

– Звери те попередохли, – примирительно сказал Буторин, – это что! Вот арабские скакуны – это да! Я ж в них вложил всё, что было, до последней полушки.

– Ладно брехать-то! Знаю я тебя. Без накоси иметь силу не мудро, не хитро. Пол-Мадагаскару ты бы купить смог.

– Ну чего ты, Лёвка, заливаешься лаем своим – прямо пёс цепной! Верно, хорошо, что на этот Мадагаскар не попали. Не то бы и вовсе не преодолели мы этих безмерных морей, – совершенно беззлобно, сникшим голосом говорил Буторин. – Теперь-то я понимаю, что лучше сидел бы на своем Беломорьевском берегу да торговал. Пушнины, какой хочешь, не считано; пеньки Вологодской лучше в мире не бывает. Золотишка из-за Камня сколько надо, сколько скажешь, привезут. А крепче нашего леса-то и вообще нигде не видать. Лиственницы такие – всем лиственницам лиственницы, они само небо подпирают. Кедрач такой, что всё на лодье пропадёт от солей морских, а кедровый килевой брус, что из-за камня вместе с комлем на форштевень уходит – так я не знаю случая, что его можно было разбить о скалы даже. Такие кили от веку и до веку в море бегают – работают.

– Да не хочу я, Ваня, твоих прибытков считать. Сам знаешь, не моё это дело. А пошли мы за тобой из-за чистой любознательности. А то без моря-то жизнь не в жизнь мне. Да и всем остальным. Окромья Беломорья никуда не ходим.

– Как не ходим? – возмутился Буторин. – Ты до Оби ходил? Ходил! И как успешно! До Мат-шара ходил? Ходил! И в одно лето по чистой воде пришёл! И тоже с удачею. А про Грумант и говорить нечего, сколько раз ты там бывал... на ихнем Шпицбергене.

– Да, – вздохнул Лёвка Иванов-Шубин, – на Грумант хаживал я целую дюжину раз, почти-тай двенадцать лет там промышлял. Да нет, четырнадцать. И конечно, куда хошь пойду. Мне старшего сынишку очень учить надо. Я его учёным человеком задумал сделать. А уж что задумал, то дело верное.

– Это ты правильно разумеешь, – покачивая головой, отвечал Иван. Михаила-то Ломоносова, каво не спроси, у нас в России все знают. И к нам сразу добрей становятся – вот, что я заметил. А про твоего малого старшего – как-никак мой крестник – я тоже согласен, все учёность уважают. Чаю, пора ему в Питербурх отправляться. Для начала в школу навигацкую. В класс на штурмана, туда из нашей черносошенной и из поморов принимают. Я узнавал.

– Да неужто ты где выведал, что туда сразу можно поступить?

– А отчего же нельзя? – похлопал по кошелю, что выглядывал из-под подушки, Буторин.

– Я тебе скажу, Иван Еремеевич, мечтаю я, чтоб и у нас школа открылась своя, в нашей деревне. До Мезени-то не набегаешься. В особенности в снегопады. Да если бы ты первым был в этом деле. Народ бы тебе в ножки кланялся. И я тоже.

– Об этом тоже думал я, – почесав бороду, ответил Буторин, – но все резоны взвесить надо. Одно мне понятно – что ныне без учёности пропадём. Иноземец-то к нашим делам всё чаще прилипает. И леса у нас хватает. Ты только погляди, в Петербурхе-то сплошь одни немцы, куда ни плюнь, и фамилию его не выговоришь. Хоть целый день повторяй, а не осилишь. Ты вот что, Лёвка, мне совсем худо. Поди, скажи Антипу и всем в поварне, что кормчим назначаю Антипа – он удачливый. И вряд ли кто лучше его астроблю знает. А он назубок всё помнит. Только чтоб все видели – для фасону её таскает под мышкой пусть. А я всё-таки сосну. Может и полегчает мне.

Иванов-Шубин шагнул на палубу. И подходя к Антипу, услышал:

– Ну совсем немогогу мне, не туда гребём. Говорил ему, а он, Ванька, всё своё! А как дойдём до полосы Конских широт, и Иван Еремеевич сбросит за борт немерено золота. Три-пять шапок серебра за коней отдал. Эх, дотянуть бы нам до большой дороги, до угревых течений!

Лёвка выглянул из поварни на волю. И тотчас же Антип заорал неожиданно.

– Всем наверх! – не успел Антип и глазом моргнуть, как все встали в ряд за его спиной. А он только руку протянул вперёд. И сказал – С последним ветром уходит один из чайных клиперов. Гляди, народ, любуйся, как акула бежит. У плавника, что торчком торчит над водой, бурун кипящий. И теперь только флашток с клотиком видать. И до десяти раз – десять не досчитаем – и парус ушёл за горизонт.

Все стояли, молча любуясь той невиданной скоростью, с какой проплыл на горизонте и исчез, словно белое облачко, трёхмачтовый большущий парусник. Потом удручённо долго молчали.

Наконец Митрофан сказал:

– Ветра полный парус на всех трёх мачтах.

А Антип добавил:

– В три раза нас он длиннее, и осадкой поболее будет, и в три раза быстрее, чем мы, идёт. А может и ещё шибче.

– Так что, нам померещилось это судно? А если нет, то что такое чайный клипер? – спросил Митрофан, и все, ожидая ответа, сгрудились плотно вокруг Антипа. Кто-то тихо сказал:

– В один день две радости не живёт.

– Да чего там нам с этого клипера? Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою!

И вдруг незаметно подошедший Буторин спросил:

– Видно, это и есть Летучий Голландец? А тут думай не думай – а это и есть мираж!

Киндей хрипатым, неземным голосом и верно невопад сказал:

– Жизнь висит на нитке, а думает о прибытке!

Никто не засмеялся. Один крякнул в сердцах, да за борт сплюнул. Угрюмо нахмутив брови, сам Киндей закрестился часто, зашептав молитву и искоса поглядывая на своих товарищей. Пров схватил ведро и давай палубу поливать. Буторин, увидев расстроенные лица, тихонечко поплёлся к себе хворать. Всем стало неловко за плевки. Вспомнили о старинных заповедях.

Наклонившись к Антипу, Киндей ещё ниже почтительно поклонился.

– Антипыч, ты же слово дал, что будешь рассказывать о жизни мореходов в морях.

– Да я – всем сердцем! Разве против я, Индюшонок-Киндеюшка?

– Но вот ты плюнул за борт, Киндей! А позабыл, позапамятовал, что Зелёная борода обидеться может? – попенял Антип.

– А это что-то из сказочной истории?

– В море-океане не бывает сказочных историй, – продолжил окрепшим голосом Антип. Так, Зелёная борода?

– Но, – перебил упрямый Киндей, – эдакая опять сказочная история. Скорей всего, вроде бы, младший брат самого Нептуна... Да и какой я индюшонок, Антип Труфанович? Посмотри, какой я. Только Митрофан меня больше. Да в силе я, может, и ему не уступлю.

Но Антип зло и уверенно продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.